

УДК 94(571.1)

А.В. Контев

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1730–1740-е гг.)

В статье на основе архивных документов изучен вопрос о возникновении категории приписных крестьян в Западной Сибири. Речь идет о первой приписке государственных крестьян к демидовским Кольвано-Воскресенским заводам. Автором тщательно прописана процедура приписки, нормативная база и особенности привлечения крестьян к обслуживанию предприятий. В тексте представлены: перечень приписанных селений, объемы собираемых налогов и расценки за работу приписных крестьян. Автор приходит к выводу о том, что система отработки демидовского времени отличалась от организации работ «кабинетского» периода.

Ключевые слова: приписные крестьяне, Кольвано-Воскресенские заводы, Демидов, горное ведомство, Западная Сибирь, горнозаводские отработки.

A.V. Kontev

FORMATION OF THE CATEGORY OF ATTACHED PEASANTS IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA (1730–1740s)

In the article, on the basis of archival documents, the question of the emergence of the category of attached peasants in Western Siberia was studied. This is the first registration of state peasants to the Demidov Kolyvan-Voskresensky plants. The author carefully spelled out the postscript procedure, the regulatory framework and the peculiarities of attracting peasants to the services of enterprises. The text presents a list of assigned villages, the amount of taxes collected and fees for the work of attached peasants. The author comes to the conclusion that the Demidov time system differed from the organization of the work of the «Cabinet's» period. *Key words:* attached peasants, Kolyvan-Voskresensk Plants, Demidov, Mining Department, Western Siberia, mining works.

Процесс формирования в Верхнем Приобье категории приписных крестьян рассматривали в своих работах многие исследователи, однако большинство указанных работ охватывают лишь «кабинетский период». Из научных трудов, в которых специально изучается вопрос о появлении приписных крестьян на юге Западной Сибири, можно назвать работы З.Г. Карпенко, Т.И. Агаповой, Ю.С. Булыгина [1–4]. З.Г. Карпенко, рассматривая проблему перехода алтайских предприятий от вольнонаемного к подневольному труду, отмечала, что господствующая в России крепостническая система не способствовала развитию рынка свободной рабочей силы. В таких условиях заводчик был заинтересован в использовании методов внеэкономического принуждения [2, с. 49–51].

Проблема обеспеченности алтайских предприятий рабочей силой осознавалась Демидовым еще до начала разработки кольванских руд. Уже

в 1726 г., обращаясь в Берг-коллегию за разрешением на строительство медеплавильного завода в Верхнем Приобье, Акинфий Никитич просил «давать нам из Томска и из других мест тамошних сибирских городов служилых и работных людей, которым я буду давать определенное их жалованье от своего кошту, а крестьянам заработные деньги против плакату» [5, л. 2]. Однако, судя по документу, речь шла не о приписке, то есть прикреплении крестьян к новым предприятиям, а о временном использовании крестьян, направленных на заводы уездным начальством, за определенную заработную плату (установленную «Плакатом» 1724 г.).

Тем не менее в разрешении, выданном Демидову 16 февраля 1726 г., столичное начальство впервые указывает на возможность приписки к алтайским заводам крестьян: «Буде же к тем заводам найдутся в близосте дворцовые и монастыр-

ские слободы и деревни, тогда ему о приписке их к заводам... писать в Берг-коллегию со обстоятельством. На что она коллегия для сильного произведения будет о том требовать от правительствующаго Сената указу» [5, л. 11–11 об.]. Автор первого историко-статистического описания Колывано-Воскресенских заводов, генерал Г. Веймарн сообщал, что в 1727 г. по указу государственной Берг-коллегии было разрешено приписать к Колыванскому заводу «из дворцовых слобод с присутствующими ко оным деревнями до 400 или до 500 дворов» Кузнецкого уезда [6, л. 10]. Это утверждение вошло в историческую литературу, однако никаких документов, подтверждающих эти факты, историками не встречено. По сведениям З.Г. Карпенко, в 1727 г. горное ведомство разрешило Демидову использовать на заводах труд пришлых, «кои в подушной оклад не написаны», при условии оплаты за них налогов в казну [2, с. 50; 7, с. 51]. Как отмечает уральский исследователь А.С. Черкасова, «пришлые добровольно приписывались для платежа подушных денег и могли либо отрабатывать их на заводе, либо сами платить деньгами». В дальнейшем Демидов стал требовать обязательной отработки податей всеми заводскими жителями [8, с. 41–42].

Интересно, что впервые вопрос о приписке крестьян к алтайским заводам был поставлен не заводчиком, а государственными властями. Когда Колывано-Воскресенские предприятия по инициативе В.Н. Татищева были взяты «в казенное содержание», начальник сибирских заводов на следующий месяц после взятия заводов, 18 февраля 1735 г., предложил «приписать крестьян, дабы работы хотя и нужнейшие оные исправлять могли» [9, л. 2 об.]. Осенью того же года местный орган власти – Томское и Кузнецкое горное начальство – уже более четко определило территорию, подлежащую приписке: «дабы повелено было Кузнецкого ведомства слободу Белоярскую, Малышевскую и Берской острог приписать к здешнему Колыванскому заводу, а без оных содержать будет оной завод не кем и плавка меди всегда будет с остановкою» [10, л. 496]. Екатеринбургское горное начальство обратилось с запросом о возможности приписки к Сибирской губернской канцелярии [10, л. 517, 520]. Однако решение на этот счет по документам найти не удалось, видимо, это связано с тем, что вскоре Анна Иоанновна приказала вернуть

Демидову алтайские предприятия. Вернув заводы, Акинфий Никитич получил и прежние проблемы: для развития производства требовалось все больше рабочих рук, но «в самых пустых и диких и в пограничных местах» не имелось возможности обеспечить заводы вольнонаемными работниками.

Заводы были возвращены Демидову в мае 1737 г. И уже в первой половине 1738 г. уральский заводчик обратился в Генерал-берг-директориум (как тогда называлось высшее горное ведомство страны) с просьбой о приписке крестьян к Колывано-Воскресенскому заводу [11, л. 13 об.; 12, л. 503]. Расчет необходимого количества приписных велся исходя из количества плавильных печей – по 50 человек на печь. На Колывано-Воскресенском заводе имелось 6 плавильных печей, поэтому заводчик, в соответствии со сложившейся практикой, просил приписать «из государственных крестьян по числу плавильных печей каждой по пятьдесят дворов из близ имеющихся к тому заводу Усть-Берской и Белоярского остроги и Малышевскую слободу с их деревнями», обязуясь платить за них все необходимые подати [9, л. 1–1 об.].

Согласно этим подсчетам, 7 июня 1738 г. государственный Генерал-берг-директориум приказал приписать к демидовскому заводу на Алтае «для первого случая... до двух сот дворов до указа от Сибирской губернской канцелярии» [12, л. 503; 13, л. 848 об.]¹. По условиям делопроизводства того времени указ о прикреплении государственных крестьян к заводам мог дать только правительствующий Сенат, на основе которого властям Сибирской губернии полагалось произвести приписку. Однако горные власти в соответствии с указами монархов о помощи частным заводчикам и в связи с важностью проблемы предписали произвести приписку «до указа».

В Тобольске распоряжение Берг-директориума о приписке было получено только в конце августа, а уже 4 сентября 1738 г. кузнецкому воеводе А. Шапошникову было приказано представить в столицу Сибирской губернии сведения о количестве потенциальных приписных, годовых объемах собираемых с них податей и расстоянии от мест их жительства до заводов [9, л. 16]. Параллельно с этим Сибирская губернская канцелярия обратилась в Сенат и Сибирский приказ с просьбой прислать официальный указ о приписке

¹ В данном документе указ ошибочно датирован 7 июля 1738 г.

[9, л. 5 об.–6]². В свою очередь колыванский приказчик Илья Харитонов потребовал от властей Кузнецкого уезда, чтобы приписных крестьян «было в каждом дворе мужеска полу по четыре души, а всех было б во оных двустах дворех восемьсот душ» [9, л. 18–18 об.]. Как видим, вместо 300 душ в первоначальных расчетах численность будущих приписных по запросу демидовских приказчиков дошла до 800 мужчин.

Первая приписка государственных крестьян (1739 год)

Для проведения приписки был назначен кузнецкий дворянин Петр Мельников, который действовал на основе подробной инструкции и присланных указов. Он в январе 1739 г. совместно с демидовскими представителями – приказчиком Илей Харитоновым, подьячими Мартыном Стрельным и Федором Субботиным, произвел первую приписку к Колывано-Воскресенским заводам.

Процедура приписки заключалась в следующем: представитель уездной канцелярии

на основании ревизских книг, предоставленных ему приказчиками ведомства (острога или слободы), составлял подворные именные списки крестьян, приписываемых к заводам, с указанием объемов собираемых с них налогов [9, л. 18 об.–19].

По окончании составления списков один экземпляр ведомости передавался в Колывано-Воскресенскую заводскую контору, один – в воеводскую уездную канцелярию, а еще четыре отсылались в Tobольск (три из них губернская канцелярия должна была передать в Сенат, Сибирский приказ и Берг-директориум) [9, л. 16, 19].

9 февраля 1739 г. Мельников, вернувшись в Кузнецк, представил требуемую документацию. По результатам приписки им было прикреплено к Колывано-Воскресенскому заводу 82 двора в девятнадцати деревнях ведомства Бердского острога, 62 – в одиннадцати деревнях Белоярской крепости и 56 – в семи селениях Малышевой слободы (всего 200).

Таблица 1

Деревни государственных крестьян юга Западной Сибири,
приписанные к Колывано-Воскресенскому заводу в 1739 году [9, л. 22–93, 94]

№	Название деревни	Число дворов	В них наличных душ по переписи	Умерло или выбыло ³	Всего по переписи	Сверх переписи	Верст до заводов
Бердского острога							
1	«Гаврило Иванов сын Казанцов. 34 года. Живет Белоярского ведомства в деревне Барнаульской»	1	1	0	1	0	290
2	Зайцева на Чумыше	9	15	3	18	11	350
3	Елунишная	4	9	4	13	3	380
4	Нетужилова	4	7	1	8	4	311
5	Безбожная	7	9	5	14	5	354
6	Кошелева	5	6	1	7	8	345
7	Анисимова	5	5	4	9	6	355
8	Елунина	5	8	1	9	5	367
9	Шмакова	3	6	0	6	3	379
10	Загайнова	6	8	1	9	9	364
11	Шишкина	3	5	1	6	3	345
12	Паутова	4	6	2	8	8	365
13	Апашнина	8	14	6	20	6	358
14	Шипунова на Сузуне	5	6	2	8	2	357

² Сибирский приказ принял к сведению сообщение губернской канцелярии о приписке и также обратился к Сенату с требованием соответствующего указа.

³ Имеются ввиду «выбылые, умершие и взятые в солдаты».

15	Фарафонова	3	3	1	4	3	370
16	Другова	1	3	3	6	0	336
17	На Большой речке	6	10	3	13	1	170
18	Касмалинская	1	4	0	4	0	250
19	Пропущена?	2	не указаны	2	не указаны	3 ?	
		82	123	40	163	80 ⁴	
Белоярской крепости							
1	Барсукова	5	6	4	10	9	250
2	Кокуйская	7	7	9	17	10	250
3	Усть-Чумышская	9	12	8	20	8	260
4	Язова	10	14	4	18	13	263
5	Усова	7	10	3	13	10	270
6	Шишкина	6	7	6	13	4	275
7	Дрянная	3	4	1	5	2	282
8	Касмалинска (за Обью рекой)	2	2	0	2	1	250
9	Бельмесева озера	3	5	0	5	4	250
10	Большая речка	6	10	0	10	0	180
11	Шемахинцева	4	4	0	4	3	168
		62	81	36	117	64	
Мальшевой слободы							
1	Инская	13	16	9	25	21	360
2	Обвинская	10	17	2	19	14	314
3	Кучуцкая	8	18	5	23	19	320
4	Идолова	3	3	1	4	10	323
5	Другова	3	5	3	8	5	336
6	Усть-Мерецкая	7	11	2	13	7	340
7	Мерецкая на Кукуе	12	18	1	19	23	342
	Всего	56	88	23	111	102	
	Всех	200	292	99	391	246 ⁵	

Как видим, в 200 дворах оказалось 538 мужских душ от младенца до старика. Это меньше, чем просил Илья Харитонов, но больше первоначальных 300 душ, определенных горными властями. Однако надо понимать, что горные власти в первую очередь вели речь о «годных в работу» крестьянах, то есть возрастом от 18 до 60 лет.

Включая так называемые канцелярские сборы («подымные», «с явки пив и браг», «с ледоколу и с водопою», оброк с мельниц), получалось, что за приписных Демидов должен был ежегодно платить государству 560 руб. 96 $\frac{1}{8}$ коп., то есть с одной мужской души в год взималось 1 рубль 44 копейки и именно эту сумму обязан был отработать

крестьянин, а не только объем подушного оклада. «Да с тех же с отдаточных душ збиралось по нарядам рекруты и драгунския лошади и четвериковой правиант», сообщается в документе [9, л. 92 об.]. Судя по косвенным данным, «четвериковый провиант», то есть зерно, предназначенное на содержание войск, теперь также полагалось брать от заводчика [9, л. 108 об.].

Получив необходимую информацию, Сибирская губернская канцелярия вновь запросила у столичных властей указ о приписке. Поскольку приписка была произведена до указа, вопрос об условиях использования крестьян оставался открытым.

⁴ В таблице даются цифры по документу, без пересчета.

⁵ Все «вновь прибывшие» являлись детьми от полугода до 25 лет, не попавшими в предыдущую ревизию.

Таблица 2

**Суммы ежегодных сборов с государственных крестьян юга Западной Сибири,
определенных в приписку [9, л. 93]**

Звание дворовому числу и указных сборов	По генеральной переписи в подушном окладе мужеска полу душ						По окладу подушного збору в год собирать надлежит									
	дворовое число	наличных душ	умерших	взятых в салдаты	беглых	итого	семигривенный ⁶		четырегривенный ⁷		накладка за вы-былых с наличных душ		по указам плокатных по две копейки с рубля ⁸		Итого	
							руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Берского острогу	82	125	31	7	2	163	114	80	65	60	51	21	4	63 ½	236	24 ½
Белоярской крепости	62	81	33	3	--	117	84	--	48	--	34	50	3	33	169	83
Малышевой слободы	56	88	12	10	1	111	78	40	44	80	23	9	2	93	149	22
Итого	200	292	76	20	3	391	277	20	158	40	108	80	10	89 ½	555	29 ½

Тобольский губернатор спрашивал: «Подушные и протчие всякие зборы с него ль, Демидова, братъ, или со оных приписных крестьян и разночинцов, а ему Демидову платить им по плакату заработные деньги⁹». Пока же было принято решение по-прежнему, «до отдачи тех крестьян к нему, Демидову», собирать с них все подати. Заводчику также было направлено уведомление, чтобы он в кратчайшие сроки представил в Тобольск обязательство о своевременной оплате за них всех денег, в противном случае «онные крестьяне и разночинцы, хотя... и переписаны и ведомости учинены, токмо отданы не будут». Такое обязательство поступило от Демидова в Тобольск только в конце 1739 г., в нем заводчик обязался оплачивать всю сумму, указанную Кузнецкой канцелярией [9, л. 20–21, 102].

В истории с первой припиской крестьян к Колывано-Воскресенским заводам пока не все ясно, в документах имеются противоречия. Как указывал Григорий Сидоров, приказчик заводов в 1745 г., приписка состоялась в 1740 г., ее про-

дид кузнецкий дворянин Андрей Максюков, а не Петр Мельников. Этот же год фигурирует в большинстве публикаций [13, с. 3]. Количество приписанных крестьян также серьезно расходится: наличных – 660, выбывших – 408, рожденных после переписи – 838 душ. Из них годных в работу указано 1 002 человека [14, л. 5-5 об.]. Таким образом, по сведениям Сибирской губернской канцелярии к Колывано-Воскресенскому заводу в 1739 г. было приписано 637 мужских душ, а по данным демидовского приказчика – 1 906 душ и только в 1740 г.

Разночтения в годах можно объяснить тем, что, вероятно, указ Сената, официально закрепляющий приписку, состоялся только в 1740 г.¹⁰ Что касается несходства количества приписных, то это можно предположительно объяснить тем, что Г. Сидоров указывал их число на 1745 год, а по сложившейся практике крестьяне, поселившиеся в приписных селениях, сами рассматривались как приписные. Известно, что в 1739 г. из Кузнецка в ведомство Колывано-Воскресенского

⁶ Семигривенный сбор – часть подушного оклада («подушная подать»), с 1725 г. составляла 70 коп. и шла на содержание армии.

⁷ Четырегривенный сбор – часть подушного оклада размером 40 коп., которая вималась за пользование землей. Для государственных она называлась «государственной податью», а для частновладельческих – «помещичьими деньгами».

⁸ Помимо оплаты подушного оклада крестьяне должны были платить 2 % накладных расходов («по две копейки с рубля»), которые шли в оплату служащим, занимавшимся сбором налогов.

⁹ Размеры оплаты крестьянам за работы были определены указом («Плакатом») Петра I 1724 года о введении подушного налогообложения в стране, поэтому назывались «плататными деньгами» или оплатой «по плакату».

¹⁰ Следует, однако, отметить, что в конце 1740 г. уральское горное начальство отмечало относительно приписки к алтайским предприятиям: «Токмо оные приписаны ль, и сколько душ, здесь известия нет» [12, л. 503].

завода для переписи «пришлых» был направлен сын боярский Иван Недорезов [15, л. 236; 16, л. 85 об., 395–411 и др.]. Определением Сибирской губернской канцелярии Демидову было предписано «за выше объявленных вновь приписных в... Колывано-Воскресенских ево Демидова заводех пришлых людей подушныя деньги платить ему, Демидову... в Кузнецкую воеводскую канцелярию» [15, л. 237]. Следовательно, к 1740 году число приписных на Алтае существенно увеличилось. По данным уральского архива на 1741 год в Колывано-Воскресенских заводах значилось 1 070 душ приписных Кузнецкого уезда и 160 душ, приписанных Иваном Недорезовым в 1739 г. [17, л. 35]¹¹.

Вторая приписка государственных крестьян (1742 год)

Вторая приписка к алтайским заводам состоялась в 1742 г., и связана она была со строительством Барнаульского медеплавильного завода. Через полтора года после начала возведения барнаульской плотины, 25 августа 1741 г., Акинфий Никитич обратился в главное правление Сибирских заводов с просьбой приписать государственных крестьян Томского и Кузнецкого уездов [12, л. 508]. Как и в 1738 г., расчет необходимого числа приписных велся исходя из количества печей – 50 дворов на печь, считая в каждом дворе по 4 души мужского пола. По мнению екатеринбургского начальства, следовало на шесть печей приписать 300 дворов (1 200 д. м. п.) [11, л. 13–13 об.; 12, л. 501]. 3 сентября 1741 г. Канцелярия главного правления Сибирских заводов направила в Генерал-берг-директориум запрос о разрешении приписки [12, л. 509].

Если в 1738 г. было решено определить крестьян в работы до официального указа из Сената, то теперь, чтобы поддержать строительство завода, Сибирские власти предполагали применить ту же схему, что была уже опробована при строительстве Колывано-Воскресенского завода в 1728 г. – направить на завод из Тарского, Томского и Кузнецкого уездов должников, то есть тех, кому «доимок и начетов платить не чем и порук по себе не сыщут». Демидовские приказчики указывали, что для строительства завода необходимо не менее 300 человек. Если такого количества должников в ближайших уездах не найдется, то воеводы должны были издать указы о приглашении на

Барнаульский завод вольнонаемных работников «за довольную от показанного Демидова плату». Если не найдется достаточного числа «охотников», то им приказывалось набрать по 50 человек от каждого города «за показанную ж от него, Демидова, плату» [9, л. 100 об.–101, 107].

Видимо, указанные меры оказались недостаточными, поскольку в начале 1742 г. демидовский приказчик Степан Гладилов обратился в столичное горное ведомство с запросом о приписке. 9 февраля Генерал-берг-директориум издал указ о приписке к Барнаульскому заводу 200 дворов государственных крестьян из близлежащих деревень. В указе отмечалось, что Демидов может использовать приписных только на заводских работах. Сибирское начальство распорядилось приписать «до указу» по 100 дворов от Томского и Кузнецкого уездов, «равномерно, а не выбором, чтоб как им, отданным, не было разорения, також и оставшим перед другими отягощения». Процедура приписки полностью повторяла предыдущую [9, л. 104, 105, 108–108 об.; 15, л. 85, 88–89].

По сведениям того же приказчика Сидорова, от Кузнецкого уезда приписку производили дворянин Афанасий Бутримов и канцелярист Павел Лебедев. Они приписали 100 дворов ведомств Белоярского и Бердского острогов, а также Малышевой слободы. В Томском уезде составление именных списков приписных крестьян было поручено дворянину Алексею Серединину, который приписал 100 дворов Чауского и Сосновского острогов. В них по ревизии 1724 г. значилось 652 д. м. п., 440 выбывших (беглых, умерших, взятых в солдаты), 969 рожденных после переписи. То есть наличных оказалось 1 621 человек. Годных в работу оказалось столько же, что и к Колывано-Воскресенскому заводу – 1 002 души [14, л. 5 об.; 19, л. 5]. Таким образом, на каждую печь приходилось 167 работников. Приписанные селения располагались в 4–360 верстах от завода¹².

Сведения отдельных источников о числе крестьян, приписанных к алтайским заводам А. Демидова к середине 1740-х годов, зачастую не совпадают. В справке Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов от 4 марта 1745 г. сообщается, что к Колывано-Воскресенскому заводу было приписано: из Бердского острога – 118 дворов (332 души), из Белоярской крепости – 46 дворов (140 душ), из Малышевой

¹¹ По данным Ю.С. Булыгина, переписью Недорезова за алтайскими заводами было закреплено 176 душ [18, с. 14].

¹² Список приписанных селений см.: 4, с. 45–48 и др.

слободы – 36 дворов (190 душ), всего 200 дворов с общей численностью 662 души. То есть эти данные значительно отличаются от ведомостей П. Мельникова, который и проводил приписку. К Барнаульскому заводу по той же справке было приписано 100 дворов тех же ведомств Кузнецкого уезда, в которых имелось 632 души, и 100 дворов Чаусского и Сосновского острогов Томского уезда, число приписных в которых по генеральной переписи равнялось 469 душам. Таким образом, численность приписных к Барнаульскому заводу составляла 1 101 душу, а общее количество крестьян, прикрепленных к алтайским предприятиям, равнялась 1 763 [20, л. 849–849 об.; 21, л. 68]. Это не согласуется ни с одним цитированным выше документом.

З.Г. Карпенко объясняет несходство цифр большой текучестью заводского населения и переходом пришлых в разряд приписных крестьян и мастеровых [2, с. 52]. Однако отметим, что нередко сами сведения, приводимые различными исследованиями, вызывают серьезные сомнения. М.М. Громыко сообщает, что в 1743 г. к Колывано-Воскресенскому заводу было приписано 1 070 человек, а к Барнаульскому – 632, всего 1 702 [22, с. 244, 248, табл. 32]. Однако никаких приписок в 1743 г. не было, как уже указывалось выше, это лишь общее число приписных на конкретный год.

Совершенно другие данные приводит Б. Кафенгауз. Исследователь сообщает, что по «Описи генеральной» демидовского имущества 1745–1746 гг. при Колывано-Воскресенских заводах состояло 883 души приписных и 3 979 «пришлых и незнающих родства» [23, с. 228]¹³. Ю.С. Булыгин, опираясь на материалы второй ревизии 1745 г., дает цифру в 3 278 д. м. п. [18, с. 15]. Нами в фонде Демидовых обнаружена копия ведомости, сведения которой были использованы при составлении генеральной описи имущества Демидовых 1746 г. В ней при описании Колывано-Воскресенских заводов среди приписных значилось 3 206 государственных крестьян и 484 пришлых и родившихся после ревизии. Однако надо учитывать, что вместе с заводами у наследников Демидова были взяты не только приписные, но и переведенные с других мест и даже крепостные заводчика. Поэтому,

включая всех этих «пришлых», «переведенных» и «данных по указам», к числу приписных было отнесено 5 605 мужских душ [25, л. 141 об.–143].

По закону деньги за приписных Демидов должен был платить в Томскую и Кузнецкую уездные канцелярии, их вносила Колывано-Воскресенская заводская контора раз в полгода [15, л. 237; 26, л. 489 об.]¹⁴. По сведениям же приказчика Сидорова, подати платились «в Сибирскую губернскую канцелярию от Невьянской заводской канторы из суммы действительного статского советника господина Демидова» [14, л. 8]. Помимо подушного оклада (четыре и семи гривенных) в эту сумму входил «плакатные» (по 2 коп. с рубля) и «канцелярские» сборы. Поэтому нам представляются абсолютно голословными утверждения, что «Демидов даже не вносил [в казну – А.К.] положенные по закону подушные оклады» [24, с. 85].

Система отработки заводских повинностей

Документы лишь косвенно позволяют реконструировать систему отработки заводских повинностей в «демидовский период». Судя по архивным материалам, она несколько отличалась от второй половины XVIII в. По определению Колывано-Воскресенской заводской конторы от 16 февраля 1743 г. все годные в работу приписные Барнаульского завода были разделены на артели или «связки», в каждой по 6 человек. Видимо, каждая связка называлась по имени главного в группе, во всяком случае, в одном из документов указаны «от связки Ивана Григорьева [сына] Куликова – 2 человека...» [29, л. 19–19 об.].

Как отмечал сам приказчик заводской конторы, в месяц к работам привлекалось по 1 человеку от связки [14, л. 6]. Однако жалобы крестьян показывают, что часто к работам привлекались практически все приписные, причем в самое страдное время [30, л. 121–127]. В 1746 г. приписные ссылались на то, что «преж сего работали от пяти человек шестой» [26, л. 379–379 об.]. Крестьяне просили заводское начальство вызывать в работы хотя бы по 2 человека от связки, чтобы остальные могли выполнять сельхозработы [27, л. 137–138]. Если в связке оказывался престарелый, заболевший или даже умерший, то работа в полном объеме должна была «спрашиватца... с тех связок, с которыми они были списаны» [26, л. 379–379 об.]. Поэтому пери-

¹³ В работе Кафенгауза допущена опечатка в общем количестве приписных и пришлых: вместо 4 869 д. м. п. напечатано 4 879. Данная неточность была перенесена и в другие исследования [2, с. 52; 24, с. 78]. В последней работе допущена очередная опечатка, и цифра составила 4 789 д. м. п.

¹⁴ По другим документам Колывано-Воскресенская контора платила подушные деньги в Сибирскую губернскую канцелярию [27, л. 336–336 об., 626–629; 28, л. 8].

одически связки «разбивали», то есть выключали из них негодных (больных и умерших) и приверстывали работоспособных из числа «новоявших» [27, л. 614–615 об.; 29, л. 24–24 об.]. В документах 1746–1748 гг. также встречается упоминание Чарышской и Космалинской сотен, во главе которых стояли сотники или старосты [31, л. 114]. Эта архаичная форма группировки приписных до 1760-х гг. сохранялась на алтайских заводах параллельно со слободским делением (в 1769 г. вместо Чарышской сотни была создана Красноярская слобода) [32–33].

Привычное для второй половины XVIII в. деление на десятки и сотни крестьянам в 1740-е годы еще не было известно. Как сообщали сами приписные: «Прежде сего у нас, приписных крестьян, имелись мирские старосты погодно по одному человеку, да в каждой деревне по одному ж десятнику для наряду подвод, кому по очереди надлежит». Только в марте 1747 г. представитель Кабинета И.С. Христиани приказал ввести на Колывано-Воскресенских заводах десятичную систему деления крестьян: разбить приписных на десятки во главе с десятником и сотни во главе с сотником. Крестьяне даже не поняли сути этого нововведения, они традиционно произвели деление по связкам, то есть десятник, по их мнению, должен был возглавить не десять работников, а десять связок (60 человек). Крестьяне Малышевой слободы сообщили, что поскольку у них имеется 52 связки, они выбрали 5 десятников, одного сотника и одного мирского старосту. Христиани пришлось объяснить приписным, что «у каждой сотни по одному сотнику, а у ста человек быть десятникам десяти» [26, л. 384–386]. В документе того же времени помимо сотников и десятников встречаются и пятидесятники [26, л. 241–242].

Для вызова крестьян в работы из заводской конторы направлялся солдат. По этой «повестке» мирские старосты сами должны были проследить, чтобы от каждой связки было выслано необходимое число работников. Если крестьянин не являлся или, не выполнив полного объема, покидал работу, за ним направляли «нарочного» – солдата или казака, но уже за счет виновного: «из их виноватого кошту с каждого человека с тех, кто в сыску и привозе объявлен будет, с каждого в передней и в обратной путь по одной копейке на версту». Оплата затраченных на их привоз «прогонных денег» воспринималась крестьянами как штраф [14, л. 8–8 об.; 27, л. 241–242]¹⁵. Такая система была перенесена на

Алтай с Невьянских заводов, где данное положение было введено «с согласия тамочных приписных же к Невьянским заводам мирских старост и всех крестьян». С 1744 г. практика приглашения крестьян «по повесткам» была отменена, поскольку требовалось много средств для оплаты «прогонных денег» посылаемым солдатам. Теперь крестьянам приказывалось «тех памятей и наряду по себя не дожидатца, выезжать к их работам на положенные сроки всем собою неотменно» [14, л. 9–9 об.]. В 1746 г. Христиани упростил и систему высылки «нетчиков» (отказавшихся работать), он потребовал, чтобы мирские старосты сами «под караулом» привозили таких крестьян, ибо это входило в их обязанности [27, л. 279]. Кроме того, зачастую контора просто нанимала «заочно» (то есть без согласия виновного) вместо него вольнонаемного по цене в несколько раз большую, нежели засчитывалось за подушный оклад [35, с. 40].

Никаких серьезных ограничений по срокам использования приписных не было. Крестьян освобождали от работы лишь в течение трех месяцев в году: весной для посева, летом для покоса, осенью для сбора урожая [14, л. 6]. Как сообщали сами крестьяне, «у нас по христианскому обычаю и смотря по благополучному времени зачинаем апреля с 15-го или с 20-го чисел пахать вешнюю». Однако эти условия постоянно нарушались, например, крестьяне вызывались к рубке дров, как правило, именно к 10 апреля, то есть в самое посевное время. Приписные просили разрешить им или отправить в работы по несколько человек от связки, или вырубать дрова в июне, когда посевная закончится [26, л. 380–382, 384–386; 27, л. 137–138].

Распределение в работу проводилось самими крестьянами согласно удобному для них графику. Затем эти раскладные книги староста отвозил на утверждение в заводскую контору. Однако приписные жаловались, что там приказчики «раскладку народную... уничтожат, а располагают по-своему, как хотят, и старостам велят под тем подписаться» [35, с. 42].

Прибывших на заводы сверяли по «перекличковому реестру приписных крестьян» (раскладной книге) и о не явившихся сразу сообщали в контору, которая организовывала доставку «нетчиков». Если для работ присылались малолетние или немощные, контора могла потребовать от общины замены «на срослых и годных в работу отцов и братьев их» [27, л. 277–278, 496–498 об.,

¹⁵ Как сообщали крестьяне, с каждого виновного брали по 0,5–1 рублю [34, л. 208].

524–524 об.]. В то же время крестьяне жаловались, что приказчики заставляли обрабатывать «старых, да дряхлых и слепых», которые были вынуждены вместо себя вольнонаемных «нанимать дорогою ценою» [35, с. 41].

Интересно отметить, что в отличие от казенных заводов на демидовских предприятиях крестьянам выдавали орудия труда. Так приказчики сообщали, что «в содержании у Демидова оные крестьяне дрова рубили ево, демидовскими, топорами и для точения оных брусье и точила имели ево ж. А на казенных заводах дровосеки дрова рубят топорами собственными» [26, л. 439–440]. Объемы отработки также были четко определены, например, в рубке дров каждый дровосек должен был вырубить две сажени дров, при этом каждое бревно могло быть не более $1 \frac{3}{4}$ аршина (1,2 м) [14, л. 6, 7]. Косвенные данные указывают на то, что, возможно, бревна клеймились [29, л. 14–14 об.]. При выжиге угля размер куренной кучи составлял 20 сажень дров, после обжига из нее в среднем выходило 45–50 коробов угля (короб равен 20 пудам 20 фунтам) [14, л. 6, 7]¹⁶. Жили крестьяне на лесосеках и куренях в шалашах – «балаганах» (одном на несколько человек) [26, л. 493–494 об.]. В конные работы по перевозке руд и припасов, как правило, привлекали только заводских и «подзаводских ближних чарышских деревень» жителей [14, л. 8].

Специальные приемщики и надзиратели сверяли по ведомостям (реестрам) именные списки крестьян и объемы их работ по раскладке. С весны 1747 г., когда на Алтае была введена десятичная система деления крестьян, за работами стали следить также десятники, пятидесятники и сотники [26, л. 241–242]. Крестьяне жаловались, что прием отработок велся очень медленно, например, вырубленные дрова могли принимать около трех недель! [35, с. 40].

После того как приписной полностью отработывал необходимый объем работы ему выдавалась квитанция – ярлык, который являлся официальным документом о том, что крестьянин отработал годовую повинность [29, л. 44–45 об.]. С этим документом крестьянин мог вернуться домой. Как сообщали приказчики, «когда выше упомянутые приписные крестьяне в работу высылаютца и возвратно с работы отпускаютца и за их в пути проход и отход от заводов никакой платы и зачету не

производитца» [14, л. 7 об.–8]. Такая система сохранялась на алтайских предприятиях до конца 1760-х годов [36, л. 28].

За работы в счет подушного оклада крестьяне денег не получали, эта работа им засчитывалась по расценкам, установленным еще в 1724 г.: за конные работы летом по 10 коп. в день и 6 коп. зимой, за пешие соответственно 5 и 4 копейки [35, с. 40]. К работам сверх подушного оклада крестьян могли привлечь только с их согласия. По сведениям демидовских приказчиков, поденная конная работа вольнонаемного оценивалась в 12 коп. летом и 10 коп. зимой, а за пешую летом и зимой платили по 7 копеек (исключение составляла уборка снега на плотине, за которую платили 6 коп. в день).

По своему правовому положению крестьяне приписанных деревень оставались государственными. На наш взгляд, совершенно неверно рассматривать приписных как «особую группу крепостных» [37, с. 314]. Наличие внеэкономического принуждения, характерного для феодальной эпохи в целом, еще не дает оснований приравнивать крестьян, отработывавших подати на заводах, к помещичьим. Отмечая несомненное ухудшение положения крестьян после приписки, М.М. Громыко указывала, что в официальной документации они рассматриваются только как государственные [22, с. 450–453]¹⁷. И юридически, и административно крестьяне подчинялись воеводским канцеляриям тех уездов, на территории которых они были записаны в подушный оклад¹⁸. Отличие состояло лишь в том, что с момента приписки основной повинностью для приписных стало обслуживание предприятий.

Непосредственно крестьяне подчинялись приказчику судной избы своего ведомства (острога или слободы), куда до приписки и платили все подати. Однако горное ведомство всячески старалось оградить своих крестьян от работ, не связанных с заводским производством. Так, в 1745 г. приписные крестьяне Кузнецкого уезда были освобождены от поставки подвод для перевоза провианта в Иртышские крепости [34, л. 21–22 об.]. Это вызвало недовольство неприписанных государственных крестьян, которые обратились к находящемуся тогда на заводах бригадиру А. Беэру с просьбой привлечь приписных к этой повинности, однако им было отказано [30, л. 24–24 об.].

¹⁶ В качестве эталонной меры веса использовалась «железная четверть», специально присланная с Невьянских заводов.

¹⁷ О социально-правовом статусе алтайских приписных см. также: 19, с. 21–23, 29–31; 38, с. 241–243; 39, с. 89–87.

¹⁸ См., например, материалы следствия 1745 г. по жалобам приписных кузнецкого ведомства: 30, л. 23, 92–117.

Таблица 3

Стоимость сделанных работ на Колывано-Воскресенских заводах в 1740-е гг. [14, л. 6–8]

Вид работы	Сумма оплаты
<i>Куренные работы</i>	
За рубку угольных дров	5–12 коп. за сажень ¹⁹
За кладку, осыпку и ломку куренных куч	3 руб. 60 коп. с кучи
Выжиг угля	5–12 коп. за сажень
Наполнение короба и выгрузка	2 коп.
<i>Перевозка угля с куреней на завод (из расчета 1 деньга за короб на 1 версту)</i>	
За воску ж с нагребкой и свалкой угля с первого Перильного куреня (5 верст от завода)	4,5 коп. с короба
Со второго Ларина куреня (13 верст)	8,5 коп. с короба
С третьего Локтевского куреня (22 версты)	13 коп. с короба
С четвертого Чарышского (38 верст – «для того отдаленного и гористого места»)	1 коп. с пуда
<i>За провоз руд</i>	
За убинские с Медвежего и Плоскогорского рудников (84 версты от завода)	3 коп. с пуда
За иртышские руды с Березовского и Илинского рудников (170 верст)	4 коп.
За пихтовские руды (30 верст)	1 коп.
За гольцовскую руду «по новой дороге» (35 верст)	1,1 коп.
За корбалихинские и за змиевскую руду «по новой дороге» (36 верст)	1,5 коп.
За воскресенские руды (8–10 верст)	0,3 коп.
За локтевские (18 верст)	0,35 коп.
За богоявленскую и колыванскую руду (4 версты)	0,2 коп.
За чагырскую свинцовую руду (52 версты)	1,5 коп.
За добычу и провоз известкового камня от Воскресенских рудников (8–10 верст)	0,35 коп.
За горновой камень (в 40 верстах от завода)	1 коп.
За добычу и привоз белой глины «с Колывану» (35 верст)	1 коп.

По указу 1 мая 1747 г. все приписанные к заводам крестьяне, работавшие при Демидове, переводились в ведение Кабинета ее императорского величества. По тому же указу была проведена новая приписка крестьян к алтайским предприятиям. Отличие этой приписки от первых (демидовских) заключалось в том, что крестьяне при-

писывались уже не деревнями, а слободами. Если в «демидовский» период в одной и той же деревне могли жить как приписанные, так и неприписанные семьи, то в «кабинетский» период действия властей были направлены на то, чтобы все население горного ведомства оказалось прикреплено к заводам.

Библиографический список

1. Карпенко, З. Г. Формирование рабочих кадров в горнозаводской промышленности Западной Сибири 1725–1860 / З. Г. Карпенко // Исторические записки. – Москва, 1961. – Т. 69. – С. 224–228.

¹⁹ В другом документе значится 25 коп. за сажень в счет подушного оклада и 80 коп. – 1 руб. по вольному найму [30, л. 121 об.; 34, л. 207].

2. Карпенко, З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 годах / З. Г. Карпенко. – Новосибирск, 1963.
3. Агапова, Т. И. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. / Т. И. Агапова // Сибирь XVII–XVIII вв. – Новосибирск, 1962. – С. 207–228.
4. Булыгин, Ю. С. Первые крестьяне на Алтае / Ю. С. Булыгин. – Барнаул, 1974.
5. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 131.
6. РГАДА. – Ф. 10. – Оп. 3. – Д. 23.
7. Очерки истории Алтайского края. – Барнаул, 1987.
8. Черкасова, А. С. Социальная борьба на заводах Урала в первой половине XVIII века : учебное пособие по спецкурсу / А. С. Черкасова. – Пермь, 1980.
9. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 2. – Д. 14.
10. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). – Ф. 24. – Оп. 12. – Д. 3124.
11. РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Д. 3226.
12. ГАСО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 903.
13. Семевский, В. И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в. / В. И. Семевский // Русская мысль. – 1900. – № 5. – С. 1–28.
14. Российский государственный исторический архив. – Ф. 468. – Оп. 18. – Д. 47.
15. ГАСО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 953.
16. Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 28.
17. ГАСО. – Ф. 102. – Оп. 1. – Д. 11.
18. Булыгин, Ю. С. Приписная деревня Алтая в XVIII веке / Ю. С. Булыгин. – Барнаул, 1997. – Ч. 1.
19. ГААК. – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 14.
20. ГАСО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 1301.
21. ГАСО. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 1047.
22. Громыко, М. М. Русское население и земледельческое освоение Западной Сибири в 30–80-х годах XVIII в. : дис. ... канд. ист. наук / М. М. Громыко. – Новосибирск, 1965.
23. Кафенгауз, Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии / Б. Б. Кафенгауз. – Москва ; Ленинград, 1949. – Т. 1.
24. История Алтайского края : учебное пособие для ср. шк. – Барнаул, 1983.
25. РГАДА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 137.
26. ГААК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 15.
27. ГААК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 12.
28. ГААК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 67.
29. ГААК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 13.
30. ГААК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 10.
31. ГААК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 21.
32. ГААК. – Ф. 50. – Оп. 21. – Д. 527.
33. Formation of the territory of the mining and metallurgical complex of the Imperial Cabinet in Russia in the 18th century / A. V. Kontev, O. E. Konteva, O. V. Stepanova, O. V. Tiskova, T.A. Magsumov, M.V. Solovianova // International Journal of Mechanical Engineering and Technology (IJMET). – Volume 6, Issue 7. – Jul 2015. – P. 44–52.
34. ГААК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 3.
35. История Алтая в документах и материалах: конец XVII – начало XX века. – Барнаул, 1991.
36. ГААК. – Ф. 163. – Оп. 1. – Д. 58.
37. Полянский, Ф. Я. Первоначальное накопление капитала в России / Ф. Я. Полянский. – Москва, 1958.
38. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. – Ленинград, 1968.
39. Контев, А. В. История Алтайского края XVIII–XIX веков : учебник для вузов / А. В. Контев. – Барнаул, 2017.